

ПРОТОИЕРЕИ ВАЛЕНТИН АСМУС

Иконоборчество

Сформировавшееся в царствование императора Льва III (717–741) движение епископов-иконоборцев пыталось опереться на малочисленные и малоубедительные прецеденты давних веков. Евсевий Кесарийский († 339/340), участник I Вселенского Собора, отвечая сестре святого равноапостольного Константина Констанции на ее просьбу прислать ей икону Христову, писал, что Христос неизобразим, поскольку в Нем «образ раба» «преложился» в Божество. VII Вселенский Собор легко отвел это свидетельство указанием на еретическую позицию Евсевия в арианских спорах. Ссылались иконоборцы и на святителя Епифания Кипрского (ок. 315 — 403). Русский ученый Г. А. Острогорский доказывает, что три сочинения святителя Епифания против икон — поддельные. Но не может быть поддельным сохранившееся в латинском переводе письмо кипрского предстоятеля блаженному Иерониму Стридонскому, где описывается, как в Палестине Епифаний вошел в деревенскую церковь и, увидев там большую завесу с изображением Христа Спасителя, рассек ее надвое и запретил иметь подобные изображения. Однако, не желая обречь эту завесу на недостойное употребление, он велел использовать ее как погребальный саван.

Это практически все, что нашли иконоборцы в прошлом. Притом что священные изображения на досках, на стенах, на сосудах, в рукописях существовали с первых веков Церкви Христовой, они до времени не были проблемой. А это значит, что отношение к иконам могло быть разным. При отсутствии широких, выходящих на поверхность церковной жизни споров, что означало также отсутствие вероучительного осмысления иконопочитания и его дисциплинарной регламентации, существовали различные отношения к иконам. Прежде всего, есть принципиальное различие между писанием икон и их почитанием. Например, лютеране, как и все другие протестанты, отвергают по-

читание икон, но допускают украшение церквей изображениями лиц священной истории. Генеалогию византийского иконоборчества православные полемисты возводили к исламу и иудейству, и это был сильный полемический прием. Однако в наше время ученые-исследователи ищут истоки иконоборчества в христианском мире. Уже у самих православных могли быть различия в отношении к иконам. Большое разнообразие, несмотря на принципиальное признание икон, было в пестром, разделенном на целый ряд национальных Церквей со своими партикулярными традициями «монофизитском» мире. Несториане обходятся без икон. Наконец, в VII веке, накануне появления иконоборчества, в Малой Азии широко распространилась дуалистическая секта павликиан, радикально отрицавшая не только церковное вероучение, но и традиционное богослужение.

Уже в конце VII века начали выходить на поверхность споры об иконах. Трулльский (Пято-Шестой) Собор 691–692 годов постановляет в своем 82-м Правиле: «...повелеваем отныне образ Агнца, вземлющего грехи мира, Христа Бога нашего, на иконах представляти по человеческому естеству вместо ветхаго агнца...» Здесь не только промыслительно, накануне больших споров и потрясений, утверждается самый принцип иконописания, но и выносятся осуждение иконоборчеству, поскольку желание заменить евангельскую реальность воплотившегося Бога символическими образами есть одно из проявлений иконоборческого мышления.

Первым выступлением императора Льва III против икон в 726 году предшествовали его совещания с иконоборчески настроенными малоазийскими епископами. Византийский император имел право и даже, в некоторые дни церковного года, и обязанность обращаться к народу с проповедью. Лев, ставший императором благодаря блестящей военной карьере, был человеком необразованным, и его иконоборческое учение сводилось к несовместимости

*Господь
Вседержитель
и семь Вселенских
Соборов.
Икона. 1989 г.
Л. А. Забирова
и Е. В. Исаева.
Храм в честь
Святых Отцов
Семи Вселенских
Соборов, Данилов
ставропигиальный
мужской
монастырь,
Москва (слева)*

иконопочитания с второй заповедью *Не сотвори себе кумира* (Исх. 20, 4; Втор. 5, 8). Против императора-иконоборца сразу взбунтовались военные моряки в Элладе. И в дальнейшем сохранялось это географическое разделение: азиатская часть Империи давала иконоборцев, европейская поддерживала иконопочитание. Рим последовательно поддерживал борьбу византийских иконопочитателей. Византия еще сохраняла владения в Южной Италии, и император-иконоборец наказал Папу Римского лишением имений в Южной Италии и изъятием из папской церковной юрисдикции с передачей в юрисдикцию Константинопольского Патриархата южноиталийских и балканских епархий. Это на века омрачило отношения двух величайших церковных центров и толкнуло папство искать поддержку у западных государей. Патриарх Константинопольский святитель Герман I (715–730) не принял программу иконоборцев, настаивая на том, что без Вселенского Собора нельзя ввести в Церкви такие новшества. В январе 730 года его вынудили отречься от должности и уйти на покой. Преемником его стал перешедший на сторону иконоборцев его синкелл и ученик Анастасий. Насколько искренним иконоборцем стал новый патриарх, показывает его поведение при захвате Константинополя узурпатором Артаваздом, женатым на дочери Льва III. Новый хозяин столицы провозгласил

восстановление иконопочитания, а Анастасий венчал его на царство. Но царство его продолжалось всего 16 месяцев (742–743). Лев III к тому времени уже умер, и ему наследовал его сын Константин V (741–775), сильный военачальник и фанатичный иконоборец, отличавшийся от своего отца прекрасным образованием. Он одолел претендентов на власть, Артавазда с сыновьями, и патриарх Анастасий вновь перешел на сторону сильнейшего, претерпев унижительные наказания, но оставшись на патриаршем престоле.

Самый значительный православный ответ на первые меры Льва III против святых икон прозвучал из Арабского халифата. Там продолжала существовать не только Церковь, но и ее богословие. Как раз в первые годы (726–730) византийского иконоборчества преподобный Иоанн Дамаскин написал свои три «слова защитных против порицающих святые иконы». Святой отец разъясняет, что ветхозаветная заповедь «не сотвори себе кумира» была дана тогда, когда изображали только ложных богов, а невидимого Истинного Бога изобразить никак не могли. Но когда Бог в Лице Господа Иисуса Христа пожелал воплотиться, стать человеком, Он стал видим и потому изобразим. Император Константин V понимал, что без Вселенского Собора победа иконоборчества не имеет твердых оснований. К Собору он готовил

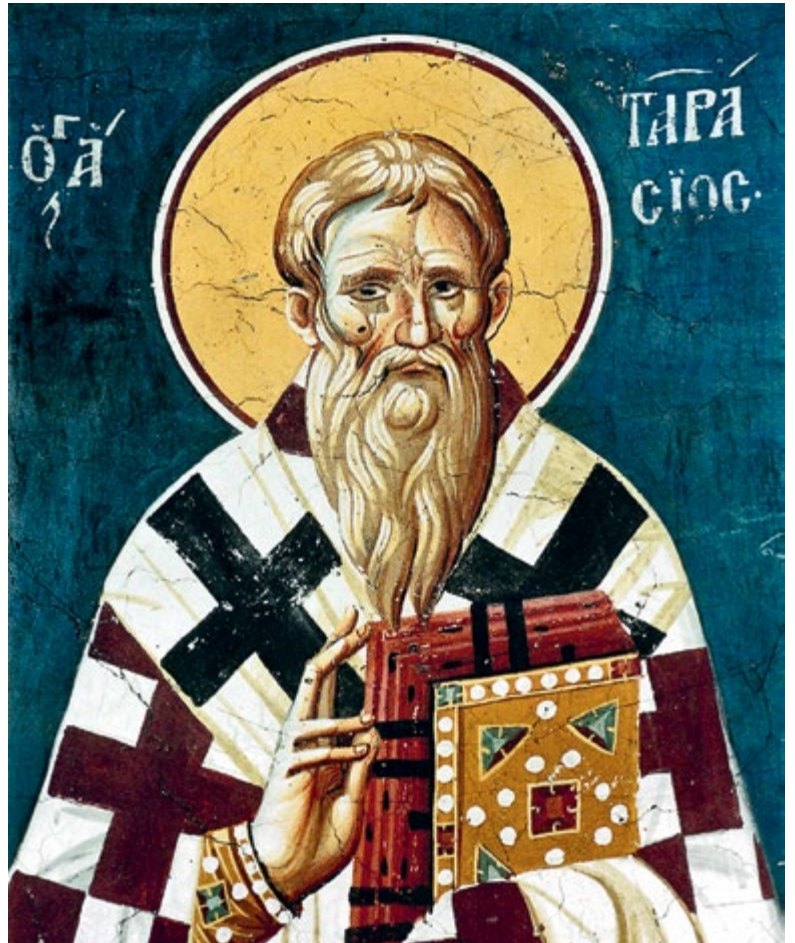
Иллюстрации из нумизматического сборника «Портреты и краткие исторические очерки римских императоров, срисованные с древних монет». Г. Гольций, Ж.-Г. Гевартс, П. П. Рубенс

На медалях изображены: "Император Константин VI с матерью Ириной". 1645 г. (слева) "Император Лев III" (справа)

ся не только административными мерами, но и подготовкой его богословской программы. Он задумал обосновать иконоборчество христологически. Изображая Христа, иконопочитатели изображают Его как человека. Изображая Его человеческую природу, они отделяют тем самым эту природу от природы Божественной, впадая в несторианство. Если же они считают, что, изображая человеческую природу, они вместе с ней изображают и Божественную природу, они сливают природы и таким образом впадают в монофизитство. Эти богословские трактаты императора-иконоборца очень пригодились на соборе, который он созвал в 754 году, когда умер патриарх Анастасий. На соборе не было ни одного патриарха, почему православные прозвали его «безглавым». Выдающуюся роль на этом соборе 338 епископов играли те трое, кто с самого начала вдохновляли императора Льва III на борьбу против икон: митрополит Фома Клавдиопольский, епископ Константин Наколийский и председательствовавший на соборе митрополит Феодосий Эфесский. Перед участниками собора стояла деликатная задача. Император Константин V, усматривая у иконопочитателей христологические погрешности, сам находился под сильным монофизитским влиянием. Нужно было так использовать в соборных постановлениях его остроумную полемику против икон, чтобы убрать из его построений все еретические черты, противоречащие учению христологических Вселенских Соборов. Постановления иконоборческого собора сохранились в деяниях VII Вселенского Собора, где они были полностью зачитаны. Изучение этих и других иконоборческих материалов показывает, что образ понимался по-разному иконоборцами и православными. Иконопочитатели утверждали принципиальную нетождественность образа и изображенного. Напротив, иконоборцы считали, что истинный образ тождествен, «единосущен» тому, кто изображен. Поэтому единственным возможным и истинным образом Христовым они считали Святые Дары.

На основании постановлений иконоборческого собора развернулись гонения на иконопочитателей. Византийское иконоборчество отличалось от ислама, запрещавшего любые изображения живых существ. В Византии

Святитель Тарасий Константинопольский. 1294–1295 гг. Фреска церкви Пресвятой Богородицы Перивленты в Охриде, Северная Македония

Преподобный Иоанн Дамаскин. 1208–1208 гг. Фреска церкви Успения Пресвятой Богородицы в монастыре Студеница, Сербия

Фигуры курицы и прямоходящего жука. Около 1100 г. Северный люнет пещерной церкви святой Варвары в Музее под открытым небом Гёреме. Здесь представлены самые красочные геометрические росписи красного цвета в Каппадокии

всегда было развито светское искусство, которое в первую очередь обслуживало политический культ императора. В иконоборческих церквях доминировали изображения Креста и стены к тому же украшались растительными и животными орнаментами. Православные говорили, что враги икон превратили церкви в огороды и птичники.

Неоднократно высказывалось мнение, что изначально главной побудительной причиной иконоборчества было стремление ограбить богатые и многоземельные монастыри в пользу государства и служилой знати. Факты не подтверждают этого. Мы не знаем ни о каких гонениях на монахов в царствование Льва III. Только в годы кульминации гонений Константина V после собора 754 года, когда монашество проявило себя как главная, хорошо организованная и свято убежденная сила защитников святых икон, гонения приобрели антимонашеский мотив. Монашество преследовалось как таковое, монастыри закрывались. Доходило до того, что монахов заставляли жениться под угрозой

ослепления и ссылки. Происходило массовое бегство монахов в Южную Италию, куда не доходили гонения, хотя и там формально были власть императора-иконоборца и духовная власть иконоборческого патриарха. Константин V уже не довольствовался постановлениями своего собора; вступая в прямое противоречие с ними, он начал выступать против почитания Божией Матери, святых и святых мощей. За девять веков до протестантизма он вышел на позиции Лютера и Кальвина. Так далеко никто из иконоборцев не был готов идти, и намеченное им «послесоборное» развитие иконоборчества оборвалось со смертью Константина V.

Много догматических споров пережила Церковь. Если триадологические споры (эпоха I–II Вселенских Соборов) не оставили видимых ран, споры христологические (III–VI Вселенские Соборы) имели следствием трагические разделения: мы утратили церковное общение с теми, кого называем монофизитами и несторианами. Но никогда еще споры не имели такого массового масштаба и такого ожесточен-

ного характера, как в эпоху иконоборчества. И это понятно: там речь шла о тонких, далеко не всем понятных богословских вопросах; здесь же, в споре об иконах, под вопросом оказались святыни, перед которыми молились в храмах, в домах и в монашеских кельях.

Сразу после смерти Константина V наступило затишье. Его сын Лев IV прекратил большие гонения. Из его короткого царствования (775–780) нам известна только одна репрессивная мера: порка и тюремное заключение небольшого числа придворных, оказавшихся иконопочитателями. Антимонашеская политика была прекращена: Лев IV мог назначить монахов даже на самые видные кафедры (в то время монашество епископов еще не было общим правилом, каковым был только их целибат, — правило 12 VI Вселенского Собора). Когда Лев IV умер, ему наследовал уже венчаный на царство его десятилетний сын Константин VI при регентстве матери императрицы Ирины. Афинянка Ирина, воспитанная в традициях иконопочитания, еще при жизни мужа влияла на него в пользу изменения церковной политики. Когда власть оказалась фактически в ее руках, она поставила целью своей восстановления иконопочитания. Смелая и решительная, она повела дело с величайшей осмотрительностью.

Иконоборчество господствовало полвека. Весь клир, от патриарха до причетников, совершенно независимо от личного отношения клириков к иконам официально исповедовал иконоборчество. Отлучать, извергать, запрещать всех виновных, как того хотели некоторые монахи-ревнители, означало формировать клир заново, буквально с нуля. Это было бы равносильно полному разрушению церковной жизни. На патриарший престол был возведен главный секретарь императрицы Ирины Тарасий, мирянин, не связанный с иконоборчеством обязательствами, которые были неизбежны для клириков всех рангов. Иконоборческий собор 754 года был официальным имперским «вселенским» («вселенная» и есть одно из официальных названий Византийской империи) собором, и для того, чтобы отменить его, было недостаточно констатировать его внутреннюю вероучительную и духовную несостоятельность, а также его зияющие формальные дефекты: «безглавость», то есть отсутствие глав

и представителей других Поместных Церквей, отсутствие рецепции его в других Церквах. Необходим был новый Вселенский Собор, который один только и мог аннулировать постановления иконоборческого собора. Готовясь к Собору, вступили в переписку с другими Поместными Церквами. Императоры обратились с посланием к Папе Римскому Адриану, а святитель Тарасий — «к архиереям и иереям Антиохии, Александрии и Святого Града». Три восточных Патриархата находились в труднейших условиях, под властью иноверного халифата, постоянно воевавшего с Византией, и выглядели в глазах арабов как естественные союзники Византии. Неправославные христиане халифата имели очевидное «алиби» в своем инославии. Не должно поэтому удивлять, что восточные «архиереи и иереи» ответили письмом анонимно. К своему исповеданию веры они приложили исповедание веры умершего

Крест и ступенчатое изображение Голгофы — сохранившийся образец византийского искусства периода иконоборчества. 726–843 гг. Мозаика алтарной апсиды церкви святой Ирины, Стамбул, Турция

Иконоборцы
Иоанн Грамматик
и епископ Антоний
Силейский
замазывают
известью икону
Иисуса Христа.
Середина IX в.
Миниатюра
из Хлудовской
Псалтири. ГИМ
(Греч. № 129 д. л. 62)

в 770 году Патриарха Иерусалимского Феодора. Оба документа поддерживали восстановление иконопочитания. На Соборе все три восточные Патриархата были представлены, скорее символически, двумя иеромонахами. Собор должен был заседать в Константинополе в соборе Святых Апостолов. Однако в начале первого заседания, 31 июля 786 года, в собор ворвались солдаты, верные памяти императора Константина V, и разогнали Собор. Некоторые епископы воодушевленно приветствовали солдат-иконоборцев. Пришлось усугубить меры безопасности. Ненадежные гвардейцы были выведены из столицы под предлогом военной экспедиции в Малой Азии, а на их место были введены полки из Фракии, верные иконопочитанию. А новым местом Собора был назначен вифинский город Никея, маленький, но хорошо укрепленный, где небольшими силами можно было обеспечить

порядок и безопасность. На Соборе присутствовали два легата Папы Римского, святитель Тарасий Константинопольский, два представителя трех восточных Патриархов и 252 (на седьмом заседании — 343, подписали вероопределение — 302) епископа. Особенностью Собора было присутствие 132 игуменов монастырей. Они были приглашены как исповедники веры, поскольку большинство епископов на Соборе — недавние иконоборцы. И здесь впервые стало заметным то, что до конца Византии было характерно для внутрицерковной жизни: активно настроенная часть монашества (их потом стали называть зилотами, то есть «ревнителями»), требуя точного соблюдения канонов, обличала священноначалие и вызывала недовольство солидарного с епископатом государства. В данном случае недовольство «ревнителей» вызывало мягкое обращение с кающимися иконоборцами. Но в плане вероучительном Собор без малейших компромиссов осудил иконоборчество и догматизировал православное учение об иконопочитании:

«...Сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные иконные изображения; так как это, согласно с историей евангельской проповеди, служит подтверждением того, что Бог Слово истинно, а не призрачно вочеловечился, и служит на пользу нам: потому что такие вещи, которые взаимно друг друга объясняют, без сомнения, и доказывают взаимно друг друга. На таком основании мы, шествующие царским путем и следующие божественному учению святых отцов наших и преданию Кафолической Церкви, — ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой, — со всяким тщанием и осмотрительностью определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как и изображение честного и животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок или (мозаических) плиточек или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться в святых церквях Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы,

или честных ангелов и всех святых и преподобных... Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взвизгивающие на эти иконы побуждаются к воспоминанию о самих первообразах, любви к ним, воздавая им лобызание, почитание и поклонение (proskynēsin), но никак не то истинное служение (latreian), которое, по вере нашей, причастует одному только Божественному естеству. Они побуждаются приносить иконам фимиама в честь их и освещать их, подобно тому как делают это и в честь изображения честного и животворящего Креста, святых Евангелий и других священных приношений и как, по благочестивому стремлению, делалось это обыкновенно и в древности; потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней. Такое учение содержится у святых отцов наших, то есть в предании Кафолической Церкви, которая приняла Евангелие от концов до концов [земли]... Итак мы определяем, чтобы осмеливающиеся думать или учить иначе, или по примеру непотребных еретиков презирать церковные предания и выдумывать какие-либо нововведения, или же отвергать что-либо из того, что посвящено Церкви, будет ли то Евангелие, или изображение Креста, или иконная живопись, или святые останки мученика, а равно (державшие) с хитростью и коварно выдумывать что-либо для того, чтобы ниспровергнуть хотя какое-либо из находящихся в Кафолической Церкви законных преданий, и наконец (державшие) давать обыденное употребление священным сосудам и досточтимым обителям, — определяем, чтобы таковые, если это будут епископы или клирики, были низлагаемы, если же будут иноки или миряне, были бы отлучаемы» (VII деяние VII Вселенского Собора).

Богословски содержательно одобренное Собором опровержение постановления иконоборческого собора 754 года составлено, как считается, Патриархом Константинопольским святителем Тарасием. «Икона подобна первообразу не по сущности, а только по имени и по положению изображаемых членов. Живописец, пишущий чей-либо образ, не ищет изобразить в образе душу... хотя никто не помыслил, что живописец отделил человека от его души».

Тем более бессмысленно обвинять иконопочитателей в притязаниях на изображение Самого Божества. Отклоняя обвинение иконопочитателей в несторианском разделении Христа, опровержение говорит: «Кафолическая Церковь, исповедуя неслитное соединение, мысленно (tēi enipoiāi) и только мысленно нераздельно разделяет естества, исповедуя Еммануила единым и после соединения»; «Иное дело икона и иное дело первообраз, и свойств первообраза никогда никто из благоразумных людей не будет искать на иконе, Истинный ум не признает на иконе ничего более, кроме сходства ее по имени, а не по сущности с тем, кто на ней изображен». Отвечая на иконоборческое учение о том, что истинный образ Христа — евхаристические Тело и Кровь, опровержение указывает: «Ни Господь, ни апостолы, ни отцы никогда не называли бескровной жертвы, приносимой иереем, образом, но называли ее

Иконопочитатели и иконоборцы. 1066 г. Иллюстрация к 25-му псалму. Миниатюра из Лондонской (Феодоровской) Псалтири. Британская библиотека, Лондон

Икона «Торжество
Православия».
1375–1425 гг.
Византия.
Из коллекции
Британского музея

самим Телом и самую Кровию». Представляя евхаристические Виды как образ, иконоборцы мысленно раздваиваются между евхаристическим реализмом и символизмом. Иконопочитание утверждено на Священном Предании, которое не всегда существует в записанном виде: «Многое предано нам неписьменно, в том числе и изготовление икон; оно также распространено в Церкви со времени апостольской пропове-

ди». Слово — изобразительное средство, но есть и другие средства изображения. «Изобразительность неразлучна с евангельским повествованием и, наоборот, евангельское повествование — с изобразительностью». Иконоборцы считали икону «обыкновенным предметом», поскольку в то время не полагалось никаких молитв на освящение икон. (У греков так и до сих пор; чины русского Третьяковского музея на освящение

икон появились в связи с распространением в соседней Польше кальвинизма и имеют поэтому полемическую, антииконоборческую коннотацию). Собор говорит об освящении: «Над многими из таких предметов, которые мы признаем святыми, не читается священной молитвы, потому что они по самому имени своему полны святости и благодати... обозначая [икону] именем, мы относим честь ее к первообразу; целуя ее и с почтением покланяясь ей, мы причащаемся освящения» (Том второй VI деяния VII Вселенского Собора).

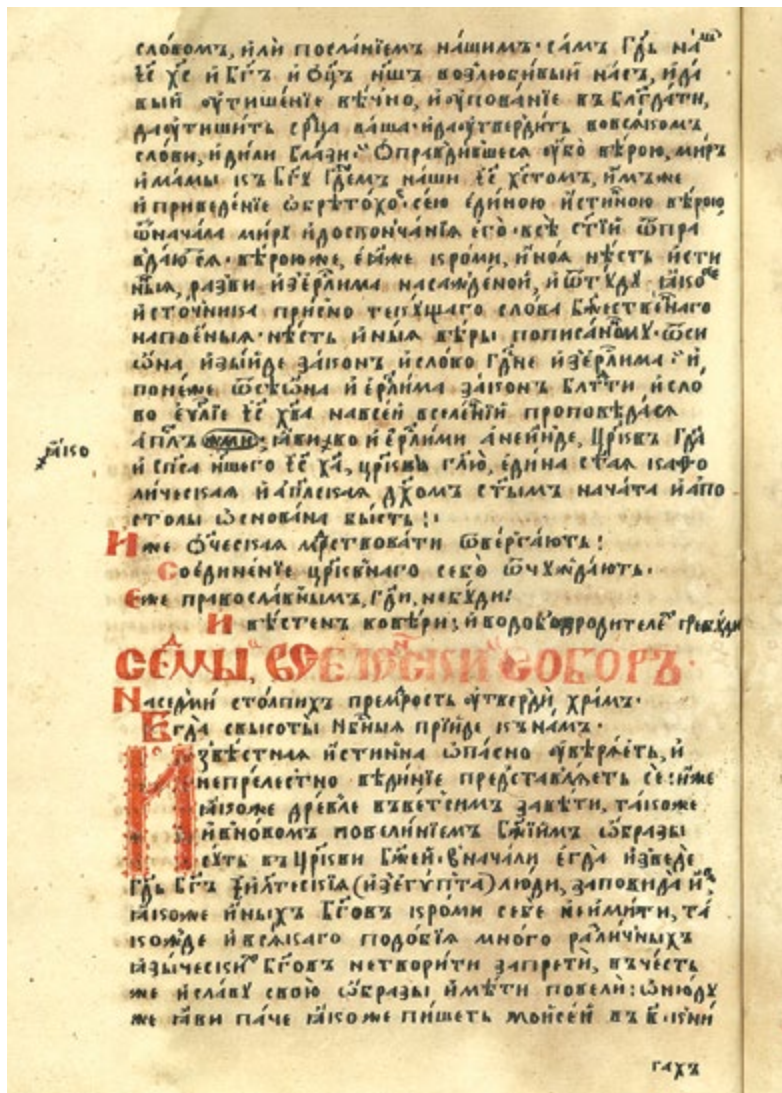
Иконоборцы считают оскорблением попытки изобразить небесную славу святых средствами «бесславного и мертвого вещества», «мертвого и презренного искусства». Собор осуждает тех, которые «считают материю гнусною». Если бы иконоборцы были последовательны, они отвергли бы также священные облачения и сосуды. Человек, принадлежа к материальному миру, познает сверхчувственное посредством чувств: «Так как мы, без сомнения, люди чувственные, то для познания всякого божественного и благочестивого предания и для воспоминания о нем имеем нужду в вещах чувственных» (Том четвертый VI деяния VII Вселенского Собора).

После семи рабочих заседаний в Никее состоялось заключительное торжественное заседание в Константинополе, в императорском Магнаврском дворце, в присутствии царей Константина VI и матери его Ирины. По их просьбе было прочитано соборное Определение. Затем цари спросили епископов, все ли они согласны с прочитанным Определением. В ответ прозвучал длинный ряд аккламаций — восклицаний с мест. Не приходится думать о спонтанности этих аккламаций, хотя их множество говорит в пользу множественности их авторов. Вряд ли все аккламации вошли в письменный протокол заседания. Но очевидно, что никак нельзя принижать важность «жанра аккламаций» вообще, а в особенности важность именно этих аккламаций, ибо именно в такой форме Собор провозгласил анафему еретикам — трем Константинопольским патриархам и некоторым другим епископам, отличившимся в насаждении иконоборчества.

Рецепция VII Вселенского Собора встретила трудности как в Византии, где иконоборчество было реставрировано в 815–842 годах, так и на

Западе. В латинской Церкви было распространено минимализированное представление об иконе, признававшее ее психологическое и педагогическое значение и не видевшее ее онтологического и «анагогически» («возводительно») мистического смысла. В 600 году святитель Григорий Двоеслов, Папа Римский (называемый на Западе Великим), узнав, что Марсельский епископ Серен разбил иконы, писал ему: «...воспламененный неразумной ревностью, ты разбил изображения святых, как бы извиняя себя тем, что они не должны почитаться [как Бог — *adorandi*]. И хотя мы вполне похвалили то, что ты запретил почитать, за разбитие мы упрекнули. Скажи, брате, слышал ли ты когда-нибудь, что хоть кто-то из священников сделал то, что сделал ты? Неужели тебя не должно было остановить то, что ты презрел своих братьев и поверил, что ты один святой и разумный? Ибо одно есть почитать картину, другое — через картину поучаться повествованию о том, что нужно почитать. Ибо что для читающих Писание, то являет взору простецов картина, ибо в ней даже невежды видят то, чему должны следовать, в ней читают неграмотные. Посему и для язычников преимуществует картина, а не чтение». Картина не только дает познание истории спасения, но и сообщает «пламень сокрушения».

Седьмой Вселенский Собор мог бы быть сочтен как триумф Папы Римского. Подписи его легатов стояли на первом месте под Определением Собора об иконопочитании, которое Папы защищали на всем протяжении спора об иконах. Но не все могло понравиться Папе: его послание императорам было переведено и прочитано по-гречески с пропусками; Собор не услышал пассажи о примате кафедры святого Петра и о том, что не подобало возводить святителя Тарасия в сан Патриарха непосредственно из мирян, минуя долгие годы служения в клире. Папа не получил назад имений в Южной Италии и епархий, изъятых из его юрисдикции иконоборцами. Но самое главное, Папа уже не мог получать от Византии той поддержки, которая была ему необходима перед лицом военной опасности с Севера. И папство уже нашло новую силу, на которую смогло опереться, — могущественное королевство франков. Но франкский король Карл Великий имел

Правила семи Вселенских Соборов. XVI в. Рукопись. Российская национальная библиотека (слева)

VII Вселенский Собор. 1502 г. Фреска Дионисия из цикла «Вселенские Соборы». Собор Рождества Богородицы, Феррапонтов Белозерский мужской монастырь

амбициозное намерение стать во главе христианского мира, оттеснив стареющую Византию. В оценке последних событий в Византии Карл со своими придворными богословами решил осудить и византийское иконоборчество, и иконопочитание, как оно выразилось на VII Вселенском Соборе. По правде говоря, Карл никак не мог адекватно оценить Определение Собора, поскольку располагал латинским его переводом, грубо искажавшим ключевые его термины — поклонение и служение. Карл просил Папу Адриана не принимать VII Вселенский Собор, хотя тот уже его принял. В силу своей зависимости от Карла Папа не мог отказать ему и повел двойную игру, сообщив королю, что признает Собор, только когда убедится в том, что византийцы действительно восстановили иконопочитание. Но тут произошел еще один «вселенский» Собор: Карл созвал его во

Франкфурте и осудил на нем как еретиков всех византийцев — и иконоборцев, и иконопочитателей. Как образец православного отношения к иконам Собор предложил учение святителя Григория Двоеслова. Папа был унижен — его заставили признать этот Собор. Далеко не сразу Запад признал VII Вселенский Собор. А альянс Рима с Карлом очень скоро привел к тому, что новый Папа Лев III 25 декабря 800 года венчал Карла в Риме императорским венцом.

Теперь скажем хотя бы кратко о втором иконоборчестве. В царствование императора Михаила I Рангаве (эта фамилия говорит о славянском происхождении) Византия вела тяжелейшую войну с Болгарией, тогда еще языческой. В разгар войны, после больших болгарских побед, хан болгарский сделал мирное предложение в форме унижительного ультиматума. На заседании императорского совета сам император и Патриарх святитель Никифор высказались за мир. Но преподобный Феодор Студит, имевший определяющее влияние на царя, высказался за войну, и его мнение возобладало. Война привела к новому катастрофическому поражению, которое вызвало государственный переворот. Одиннадцатого июля 813 года новым императором стал Лев V Армянин (813–820), тот военачальник, который был главным виновником последнего поражения. Убежденный иконоборец, почитатель первых двух ико-

ноборческих императоров, Лев V считал, что только иконоборчество выведет Византию из полосы военных провалов. Святитель Никифор решительно воспротивился восстановлению иконоборчества и был низложен. Преподобный Феодор Студит отправился в ссылку. На Пасху 815 года новым Патриархом стал придворный Феодот Мелиссин. Вскоре состоялся собор, отменивший постановления VII Вселенского Собора и подтвердивший постановления собора 754 года. Новое иконоборчество было слабым, оно не стяжало тех народных симпатий, какие имели великие полководцы-победители Лев III и Константин V. Лев V все сильнее чувствовал нависавшую над ним опасность и не избег ее. В рождественские дни 820 года он был убит в соборе Святой Софии. Переворот привел к власти Михаила II Аморийца (820–829). Он занял как бы нейтральную позицию, запретив всякие споры об иконах. Изгнанники вернулись из ссылки. Причиной вялости императора было не равнодушие к иконоборчеству, но слабая вера в возможность его выживания. Единственная жестокая иконоборческая мера Михаила II — репрессии против святого Мефодия, который привез из Рима папское письмо в поддержку иконопочитания. На святого Мефодия легли чисто политические подозрения и обвинения, кроме того что боялись оживления православной оппозиции под влиянием Рима. Последним иконоборческим императором стал сын Михаила II Феofil (829–842). Воспитанник Иоанна Грамматика, главного ученого — апологета второго иконоборчества, которого Феofil посадил в 837 году на патриарший престол, новый император был фанатичным иконоборцем, способным на ужасные жестокости. Прекрасно образованный, он был большим ценителем также арабской культуры, которая никогда не имела в Византии такого влияния, как в это царствование. Святого Мефодия он вызвал из страшной темницы, в которой святой потерял здоровье, и поселил его в своем дворце. В своих поездках он брал святого Мефодия с собой. К концу жизни Феофила иконоборчество реально сохранялось только в столице. Смерть Феофила означала немедленный конец иконоборчества. В 843 году в первое воскресенье Великого поста при новом Патриархе святителе Мефодии впервые состоялось празднование Торжества

Православия: победа над иконоборчеством была оценена как победа Православия как такового. Начал составляться Синодик в Неделю Православия, состоящий из кратких формулировок вероучения Православной Церкви с возгласением «вечной памяти» защитникам Православия и анафем ересиархам. Анафематствованы Константинопольские патриархи-иконоборцы первой и второй фазы иконоборчества. Не анафематствовано ни одного императора-иконоборца: в Византии императоров не анафематствовали. Кому-то это не нравилось, и в списках Синодика в монастырях зилогов могли появляться анафемы царям-еретикам. А в наше время Л. В. Луховицкий, автор статьи о Синодике в «Православной энциклопедии» (т. 64), сетует, что издатель Синодика Ж. Гуйар «произвольно» не включил в основной текст анафему Константину V, которая есть в каких-то рукописях. Но ученые с мировым именем, издававшие Синодик (Ф. И. Успенский, 1893; Ж. Гуйар, 1967), знали, что Синодик — официальный документ, отражающий деяния Соборов. Л. В. Луховицкий не сможет назвать Собора, анафематствовавшего императора, и поэтому таким апокрифическим анафемам нет места в научном издании. Синодик постепенно пополнялся новыми разделами, подводившими итоги очередным догматическим спорам. Последнее добавление было сделано в середине XIV века, после серии исихастских соборов. Синодик в полном виде печатается во всех греческих изданиях Постной Триоди, печатался когда-то и в славянской Триоди, сначала в Киеве, потом и в Москве. Синодик — важнейший догматический документ Православной Церкви.

В каноне утрени 1-й недели поста излагается экклезиология, которую можно назвать антизилотской. Зилоты считают, что впадение в ересь означает немедленное автоматическое отпадение от Церкви. Здесь же спор об иконах описывается как спор внутри Церкви, а согласие — как воссоединение двух частей Церкви: «Коль чудна дела Твоя, Христе, наше единомыслие и согласие соделавый»; «превелие благоденствие видяще, руками восплещим, разстоящияся уды Христовы, совокуплены во единство, и Бога похвалим, мир подавашаго» (1-я песнь). Зилоты опять были недовольны, что виновные не понесли канонических наказаний, но Церковь, как всегда, созидала любовью.